

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ — НЕСКОЛЬКО ЗАВЕТОВ

Почти полвека Всеволод Иванов работал с молодыми литераторами. Это был негромкий, естественный подвиг его писательской жизни.

Я помню удивление, с которым пятнадцать лет назад впервые держал в руках неопубликованные рецензии Иванова на произведения начинающих авторов. Один отзыв, другой, третий... Скажу сразу: таких материалов в государственных и личных архивах оказалось около трехсот. Поражал масштаб деятельности, которую сам Иванов считал само собой разумеющейся. А был он редактором и литконсультантом, председателем приемной комиссии Союза писателей, был профессором и председателем экзаменационной комиссии Литинститута. Известный советский философ В. Ф. Асмус, хорошо знавший Иванова, однажды заметил, что «на отношении в литературе он перенес лучшую черту своего нравственного характера — доброжелательность, способность видеть, подмечать, угадывать мощные побег жизни, обещающие будущий расцвет».

Эта сторона литературной работы Иванова сравнима лишь с подобной же деятельностью его учителя А. М. Горького. Иванов хорошо помнил, как сам вырастал в

литератора. Помнил, как будучи никому не известным наборщиком Курганской типографии, получил два письма от Горького. Рядом с оценкой его первых рассказов была просьба: «Берегите себя!».

Многие внутренние рецензии, отзывы Всеволода Иванова были приведены в моих статьях, в книге «Беседы в дороге». Но, конечно, не все эти материалы стали еще достоянием читателя. Вот три отзыва Иванова о писателях Туркмении, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Сами по себе эти рецензии вряд ли нуждаются в подробных комментариях. И все же как не вспомнить: в 1930 году Иванов побывал в Туркмении в составе Первой ударной бригады писателей. В бригаду также входил П. Павленко, В. Луговской, Н. Тихонов, Л. Леонов, Г. Санников. Та поездка стала интересной страницей истории советской литературы. Поездка была чрезвычайно насыщена встречами и впечатлениями, которые определили потом темы и образы многих книг. Л. Леонов написал по возвращении из Туркмении повесть «Саранча», П. Павленко — повесть «Пустыня» и цикл очерков. Так родилась

и книга В. Луговского «Болышевики пустыни и весны», и ряд произведений Н. Тихонова. А Всеволод Иванов опубликовал в журнале «Красная новь» свои глубоко своеобразные «Повести бригады М. Н. Синицына, рассказанные им в дни первой пятилетки». Кроме того, вернувшись из Туркмении, автор знаменитого «Бронепоезда 14-69» написал пьесу «Компромисс Наиб-хана».

Но немаловажным итогом поездки было и то, что Иванов полюбил и на всю жизнь заинтересовался Туркменией. Долгие годы он помнил свое чувство радостного удивления, которое так естественно звучит в письме Иванова Горькому: «Какой народ! Какие герои! Буде удасться, расскажу вам лично, во в эти два месяца я увидал то, что не удавалось мне увидеть во все последние пять лет — я увидел хорошее и не плохое, а, так сказать, корни хорошего, настоящего и важного».

Та же заинтересованная любовь есть и в отзывах Иванова — председателя государственной экзаменационной комиссии Литинститута.

Вот он читает рукопись стихов Ахджемал Омаровой: «Омарова — поэт и, несомненно, настоящий поэт.

Мне это особенно приятно

писать. Я хорошо знаю Туркмению, ее жизнь, я был, и остро чувствую, какие изменения произошли в этой республике, какую огромную просветительную и созидательную работу нужно было провести, чтобы появилась, стала печататься, развиваться поэтика Туркмении. Я не сомневался, что перед Омаровой — большой путь поэта, что ее примеру последуют другие туркменские женщины, обладающие поэтическим даром, что в стенах института, на страницах наших журналов мы увидим еще много ее подруг, учениц, подражателей, друзей».

Спустя много лет я решил составить «коллективные воспоминания» питомцев Вс. Иванова; они были напечатаны в журнале «Дальний Восток». А Омарова так ответила на мой вопрос:

«Вы видели, как солнце пошло поэт? Как оно красиво выключается? Как оно тапчет? Как смеется, как радуется, как плачет, когда у него настоящее горе? Оно скрывается от глаз людских и рыдает. Седое-седое — стонет и плачет. А на утро опять прекрасное...»

Для меня Всеволод Иванов был таким солнцем.

Встретив девочку в красном платье в коридоре Литинститута, он считался удив-

лялся. Он знал, что туркменские испокон веков находились только у своего очага... Ему нравилась моя настойчивость. Я не любила уступать жизненным бурям; что бы ни было, я старалась улыбаться, улыбаться... И как-то услышала: Всеволод Иванов сказал обо мне — ласково веселая...».

А вот строки из отзыва Иванова на дипломную работу Шахера Борджанова:

«Шахер Борджанов — способный поэт, которому, по-видимому, суждено стать поэтом, известным многим читателям Советского Союза. Поэма его рыхловата, растянута, но стихи — подбраны, сматы, выразительны, революционны в самом благородном значении этого слова, например, «Клыч-ага». Какая здесь энергия, простота, мужество, какая большая и широкая правда!».

Прочитав эти рецензии, кто-то, должно быть, решит: одобрение Иванова было по-лучить проще простого — достаточно нескольких удачных стихотворений. Конечно, это не так. Иванов, по его собственному выражению, был против «сентиментальности, плаксивого отношения к автору только потому, что он — автор».

Однако большой мастер не казался похвалой слов, пог-

да было за что хвалить. Он считал это тоже необходимым в системе литературного воспитания.

Передо мной — напутственный отзыв Всеволода Иванова о стихах Вадима Зубарева. Автор впоследствии стал известным русским поэтом, живущим в Туркмении.

«Еще один хороший, молодой поэт. И как приятно написать это «еще!» — восклицает Иванов. Он жалеет В. Зубареву «хороших трудов, хороших стихов, хорошей творческой жизни!» Председатель государственной экзаменационной комиссии ставит дату: 6 апреля 1955 года. И только потом добавляет: «Я так задумался об этих стихах, что совершенно забыл о дипломе. Конечно, выдать!»

...Несколько встреч Вс. Иванова с Туркменией. В жизни и литературном творчестве. Были ли те встречи случайными? Разумеется, нет. До конца своих дней Иванов оставался настоящим писателем — интернационалистом. Он видел интернационализм и в глубоком уважении, в постоянном интересе к истории, традициям, культуре других народов. Это был один из его заветов нам.

Е. ЦЕНТЛИН.

4 сентября 1984 г.